

— Господин Государственный наставник привез молодого хозяина усадьбы семьи Ли — Ли Чаншэна, — слегка склонив голову, Бо Сюаньчжао произнес, не упуская из виду действия Чжао Хунконя. — После долгого пути я проводил Господина Государственного наставника и Ли Чаншэна в горную усадьбу Чансянь.

Чжао Хунконь уже не мог сдерживаться и сделал шаг вперед.

— Ваше Высочество, вы потрудились.

Бо Сюаньчжао слегка повернулся, мельком взглянув на него, даже не удостоив кивка.

— Докладываю вашему величеству, в день нашествия саранчи четвертый брат руководил борьбой с бедствием в городе Цаньюй. — Это дело все равно придется обсудить, рано или поздно. — Я сопровождал Господина Государственного наставника в уезд Фуцзэ, где на окраине мы обнаружили храм.

Чжао Хунконь уже собирался что-то сказать, но Ли Хэ, тоже не терявший бдительности, резко шагнул вперед.

— Дело с храмом может быть как важным, так и незначительным.

— Ваше превосходительство, правый министр прав, — Бо Сюаньчжао поклонился Ли Хэ, обменявшись с ним взглядом, затем повернулся к Бо Тяньюаню. — На пути в уезд Фуцзэ на меня было совершено покушение.

Бо Тяньюань ударил ладонью по столу, его глаза налились кровью, а между бровей проступил багровый оттенок, гневно сверкая взглядом.

— Возмутительно!

— Ваше величество, прошу, успокойтесь, — Бо Сюаньчжао, притворившись испуганным, опустил на колени. — Со мной все в порядке. Однако, когда мы с Господином Государственным наставником подошли к храму на окраине уезда Фуцзэ, появилась группа людей и сожгла его.

Чжао Хунконь, сдерживаясь, не сжимал кулаков, но вены на тыльной стороне рук вздулись, постоянно подрагивая.

— Ваше Высочество, вы что-то обнаружили?

— Встань и говори, — Бо Тяньюань все же не смог удержаться и сжал виски. — Шоу Дэ, принеси стул для Принца и вызови из Императорской лечебницы лекаря Чжана.

Бо Сюаньчжао поднялся, глядя на квадратное лицо Чжао Хунконя, внешне спокойное и равнодушное, но с вздувшимися венами на висках.

— Благодарю ваше превосходительство за заботу. Мои охранники нашли кое-что на одежде нападавших.

— Тетушка! — Ли Чаншэн протяжно позвал, подойдя к госпоже Жу-Ли и обняв ее руку. Согнувшись, он положил голову на ее плечо, покачиваясь. — Чаншэн пришел навестить вас.

Жу Шэньлин и Жу Ляньюй стояли в стороне, молча наблюдая за этой сценой.

— Этот ребенок... не сошел ли он с ума? — спросил Жу Шэньлин Жу Ляньюя. — В детстве он казался таким смышленным.

— Да! — Жу Ляньюй снял вуаль и передал ее слуге. Услышав вопрос Жу Шэньлина, он серьезно кивнул. — Дядя, поскорее уведи этого дурака, чтобы он не заразил моего брата.

Ли Чаншэн, услышав слова Жу Ляньюя, все еще держа голову на плече госпожи Жу-Ли, изобразил обиженное выражение лица.

— Тетушка, посмотрите на них.

— Хватит! — Госпожа Жу-Ли слегка шлепнула Ли Чаншэна по голове и повела его к Жу Ляньюю. — Ты устал в дороге?

Ее голос стал мягким, как вода, совершенно непохожим на то, как она разговаривала только что.

Ли Чаншэн больше не мог притворяться, отпустил руку госпожи Жу-Ли, расправил рукава и одежду, вернувшись к своему изящному виду.

— Тетушка, как вы себя чувствуете в последнее время? — Поддерживая госпожу Жу-Ли, он усадил ее на стул, затем взял ее руку и положил на столик между креслами.

— Appetit пропал, ночью сплю меньше, — госпожа Жу-Ли в последнее время сильно побледнела, Жу Шэньлин тоже выглядел не лучше.

В большей или меньшей степени он начал понимать мысли Жу Тинму.

Ли Чаншэн, пока шутил, уже успел проверить пульс госпожи Жу-Ли, теперь хотел подтвердить свои подозрения. Положив руку на ее запястье, он не смог сдержать серьезного выражения лица.

Жу Ляньюй присел перед госпожой Жу-Ли, его рука была в ее руке, лежа на слегка выступающем животе. Внутри был его брат, но из-за него тетушка теперь страдала.

— Все будет хорошо, — госпожа Жу-Ли, наблюдая за Жу Ляньюем с детства, почти понимала каждое его выражение. Этот ребенок, несомненно, чувствовал вину. Она погладила его по голове. — Тетушка верит, что ты найдешь способ.

Жу Ляньюй положил голову на колени госпожи Жу-Ли, его сердце, всегда беспокойное, теперь немного успокоилось.

— Я найду способ.

Заходящее солнце, окутанное желто-красным сиянием, освещало горную усадьбу Чансянь. Жу Шэньлин накрыл сидящую в кресле госпожу Жу-Ли пледом. Он сел рядом, его взгляд мягко упал на слегка выступающий живот.

— Тетушка, дядя, — Ли Чаншэн подошел, держа в руках чайный поднос, но запах, доносящийся от него, не был похож на чай. Жу Ляньюй шел сзади, помогая Ли Чаншэну расставлять чайные принадлежности.

На подносе стояли два чайника, один из белого фарфора, заваренный цветочным чаем, который любил Жу Ляньюй. Другой, темно-зеленого цвета, наливал чай с красноватым

оттенком.

Жу Ляньюй первый налил чай из темно-зеленого чайника и подал госпоже Жу-Ли.

— Тетушка, попробуйте. Чаншэн говорит, что этот фруктовый чай помогает от утренней тошноты.

Ли Чаншэн внимательно проверил пульс госпожи Жу-Ли. Плоду было чуть больше трех месяцев, он был здоров. Но тело госпожи Жу-Ли было ослаблено, первые три-четыре месяца были терпимы, но когда плоду исполнится пять месяцев, ее тело уже не выдержит.

— Чаншэн, ты заботлив, — госпожа Жу-Ли взяла чашку, слегка попробовала. Чай был кисловатым, но освежающим, с фруктовым ароматом, хотя невозможно было определить, какой именно фрукт.

Жу Шэньлин тоже налил немного чая из темно-зеленого чайника, коснулся губами, и его лицо сморщилось.

— Кислый, дядя? — Ли Чаншэн, увидев выражение Жу Шэньлина, рассмеялся. Лицо Жу Шэньлина неконтролируемо сморщилось от кислоты.

Он быстро подал Жу Шэньлину чашку цветочного чая.

— Попейте это, чтобы перебить вкус.

Жу Ляньюй не пробовал, но даже по запаху чувствовал кислоту.

— Тетушка сейчас любит кислое, этот чай ей как раз подходит, а нам бы точно скрутило зубы, — у беременных вкусы странные, утром он спросил повара, и оказалось, что госпожа Жу-Ли в последние дни предпочитает кислое.

Госпожа Жу-Ли, увидев выражение Жу Шэньлина, рассмеялась, для нее вкус был нормальным.

— Тебя не убьет!

Возможно, чай немного возбудил аппетит, госпожа Жу-Ли почувствовала голод. Она только что поела после полудня, но теперь снова хотела есть.

Ли Чаншэн понял ее желание и передал Чжу Лин лист бумаги.

— Сходи на кухню, пусть приготовят тетушке ужин по этому рецепту.

— Спасибо за заботу, — Жу Шэньлин сказал Ли Чаншэну. Он смотрел на улыбку госпожи Жу-Ли, и его сердце сжималось от боли, сильнее, чем от того чая. Сколько еще он сможет видеть эту улыбку?

В другом особняке атмосфера была напряженной, слуги даже не смели громко дышать.

Чжао Хунконь схватил позолоченную вазу со стола и швырнул ее в дверной косяк, она мгновенно разбилась на куски. Это был подарок императора, стоимостью в тысячу золотых, но даже это не смогло успокоить его гнев.

— Бездари, — он ударил ладонью по столу, красное дерево треснуло посередине. — Все они бездари.

— Ваше превосходительство, возможно, наследный принц просто блефует, — в Императорском кабинете чиновник, стоявший на стороне Чжао Хунконя, осторожно попытался угодить.

Чжао Хунконь отвесил ему пощечину, от которой чиновник отшатнулся на несколько шагов. Если бы не стул за спиной, он бы упал.

— Зачем мне твои напоминания? — Его квадратное лицо с простоватыми чертами и жестокие глаза, полные амбиций, казались принадлежащими разным людям.

Теперь Чжао Хунконь почти пришел в себя, все, что он запланировал, должно было сработать. Бо Сюаньчжао сказал, что нашел что-то на одежде нападавших, но так и не сказал, что именно.

Вероятно, он просто блефовал, и если Чжао Хунконь предпримет действия, это сыграет ему на руку.

Чиновник, отброшенный в сторону, поднялся и, согнувшись, снова подошел к Чжао Хунконю.

— Может, мне послать людей разузнать? — Его тон был крайне подобострастным, как у собаки, виляющей хвостом.

Чжао Хунконь сел на целый стул и махнул рукой.

— Сначала уходи.

Когда тот повернулся к двери, Чжао Хунконь добавил:

— Если дело будет сделано хорошо, господин Сюй станет не просто заместителем министра юстиции.

Он не будет действовать сам, но кто-то может сделать это за него.

— Благодарю ваше превосходительство, — на лице Сюй Сянцзяня красовался большой отпечаток ладони, его тонкие усики и треугольные глаза выражали крайнюю угодливость.

Когда Сюй Сянцзянь вышел, Чжао Хунконь лишь фыркнул.

<http://bllate.org/book/16724/1537833>